

Роберт Льюис Стивенсон

Волшебная бутылка

Жил на Гавайских островах человек, которого я назову Кеаве, потому что он и сейчас еще жив и его имя должно остаться в тайне; а родился он неподалеку от Хонаунау, где покоится в пещере прах Кеаве Великого. Это был человек бедный, веселый и предприимчивый; он читал и писал не хуже школьного учителя, к тому же слыл отличным моряком, плавал на пароходах, совершающих рейсы между островами, и водил китобойные суда у берегов Хамакуа. И вот Кеаве

надумал повидать белый свет, чужеземные города и нанялся матросом на корабль, направлявшийся в Сан Франциско.

Это прекрасный город с прекрасной гаванью, и богатых людей в нем без счета, а уж одна гора там есть—снизу доверху всё дворцы. По этой горе гулял однажды Кеаве, побрякивая деньгами в карманах и любуясь огромными домами по обе стороны улицы. «Какие прекрасные дома,—думал он,—и как счастливы должны быть те, кто живет в них, не заботясь о хлебе насущном!» С этой мыслью он остановился против дома, не очень большого, но отделанного и разукрашенного, точно игрушка: ступени крыльца сверкали подобно серебру, цветники вдоль дорожек вились подобно пестрой гирлянде, а окна сияли подобно алмазам, и Кеаве остановился, пораженный великолепием всего, на что падал его взор. И когда он остановился, то заметил, что и на него кто то смотрит из дома: стекло в окне было так прозрачно, что Кеаве мог разглядеть человека, словно рыбу в заводи между рифами. То был мужчина в преклонных годах, лысый, с черной бородой; лицо его омрачала печаль, и он тяжело вздыхал. И, сказать вам правду, когда Кеаве смотрел на этого человека, а тот смотрел на Кеаве, каждый из них завидовал другому.

Вдруг человек улыбнулся, и кивнул Кеаве, и поманил его, приглашая войти, и встретил его у порога.

—Я хозяин этого прекрасного дома, —сказал человек и горестно вздохнул. —Не хочешь ли осмотреть его?

И он повел Кеаве по всему дому, от подвала до чердака, и всё, что Кеаве там увидел, было в своем роде совершенством, и Кеаве только диву давался.

—Поистине, —сказал он, —это необыкновенный дом; живи я в таком доме, я бы смеялся с утра

до ночи. Почему же вы так тяжело вздыхаете?

—Стоит тебе только захотеть, —сказал человек, —и ты получишь такой же дом и даже еще лучше. Я полагаю, у тебя есть деньги.

—Пятьдесят долларов, —ответил Кеаве, —но такой дом за эти деньги не купишь.

Человек задумался.

—Жаль, что не больше, —сказал он, —потому что в будущем ты можешь пострадать от этого; да уж ладно, отдам за пятьдесят.

—Что, дом? —спросил Кеаве.

—Нет, не дом, —ответил человек, —а бутылку. Должен тебе сказать, что, хоть я и кажусь тебе богатым и удачливым, всё мое богатство, и этот дом, и сад вокруг него явились из бутылки чуть больше пинты. Вот она.

Он отпер тайник и вынул оттуда пузатую бутылку с длинным горлышком. Бутылка была из белого как молоко стекла, отливающего всеми цветами радуги. Внутри что то шевелилось, точно плясал язык пламени.

—Вот она, —повторил старик и, когда Кеаве засмеялся, добавил: —ты мне не веришь? Можешь убедиться сам. Попробуй ее разбить!

Тогда Кеаве взял бутылку и до тех пор швырял ее об пол, пока не выбился из сил, но она отскакивала, как мячик, и оставалась цела и невредима.

—Странная штука, —промолвил Кеаве. —Ведь и на ощупь и на вид это стекло!

—Стекло и есть, —ответил хозяин дома, вздыхая еще тяжелее, —но оно закалено в пламени ада. В бутылке живет дух, это он пляшет там внутри; так я думаю. Тот, кто купит бутылку, получает власть над духом, и, стоит ему только слово сказать, всё, что он пожелает, —любовь, слава, деньги, такой дом, как этот, даже целый город, вроде нашего, —всё будет его. Наполеон владел этой бутылкой и стал повелителем мира, но он продал ее и пал. Капитан Кук владел этой бутылкой и открыл множество

островов, а как только продал ее, был убит на Гавайях. Потому что стоит продать бутылку, как с ней вместе уходят и покровительство духа и могущество, и если человек не довольствуется тем, что у него уже есть, его ждет злая участь.

—И всё же вы хотите ее продать?

—У меня есть всё, что мне надо, а я становлюсь стар, —ответил человек. —Одного дух не может сделать —он не может продлить человеку жизнь, и нечестно было бы скрыть от тебя, что есть у бутылки и одно дурное свойство: если ее владелец умрет, не успев продать ее, он обречен гореть в геенне огненной до скончания века.

—Что и говорить, это прескверное свойство! —вскричал Кеаве. —Да я и пальцем не дотронусь до этой штуки. Без дома я, слава богу, могу обойтись, а вот быть осужденным на вечное проклятие не хочу ни за какие блага.

—Погоди, погоди, выслушай сперва до конца, —возразил человек. —Нужно только использовать могущество злого духа, не требуя слишком многого, а затем продать комунибудь бутылку, как я продаю тебе, и окончить дни свои в мире.

—Однако я вижу, —сказал Кеаве, —что вы всё время вздыхаете, как несчастный влюбленный; кроме того, очень уж дешево вы продаете бутылку.

—Почему я вздыхаю, я тебе объяснил, —ответил человек. —Силы мои слабеют, и, как ты сам

сказал, отправиться после смерти в преисподнюю не хочется никому. А дешево я продаю оттого, что у этой бутылки есть еще одна особенность, сейчас я тебе о ней расскажу.

Давным давно, когда дьявол впервые принес ее на землю, она стоила очень дорого, и пресвитер Иоанн,¹ который первым купил ее, заплатил за нее много миллионов, но продавать ее можно только себе в убыток. Если возьмешь за нее столько, сколько отдал, она тут же

вернется к тебе снова, как почтовый голубь. Поэтому из века в век цена всё падала, и теперь бутылка стоит совсем дешево. Я сам купил ее у одного из моих богатых соседей на этой горе и заплатил ему всего девяносто долларов. И теперь, чтобы навсегда от нее избавиться, могу взять за нее лишь восемьдесят девять долларов девяносто девять центов и ни на пенни дороже. Ну, а это неудобно по двум причинам: прежде всего, когда предлагаешь купить такую необыкновенную бутылку за какие-нибудь восемьдесят долларов, люди думают, будто ты шутишь. А затем... но это не к спеху, и мне незачем вдаваться в подробности; только помни, платить за нее надо звонкой монетой.

—Как мне знать, правда ли всё это? —промолвил Кеаве.

—Кое что ты можешь проверить, не сходя с места, —ответил человек. —Дай мне твои пятьдесят долларов, возьми бутылку и пожелай, чтобы деньги снова очутились у тебя в кармане. Если их там не окажется, даю тебе слово, я буду считать нашу сделку недействительной и верну тебе деньги.

—Вы меня не обманываете? —спросил Кеаве.

Человек поклялся великой клятвой.

—Что ж, можно попробовать, —сказал Кеаве, —от Этого особого вреда не будет. —И он дал человеку деньги, а тот передал ему бутылку.

—Дух в бутылке, —произнес Кеаве, —я хочу получить обратно свои пятьдесят долларов.

И можете не сомневаться, не успели эти слова слететь с его уст, как в кармане у него снова зазвенели деньги.

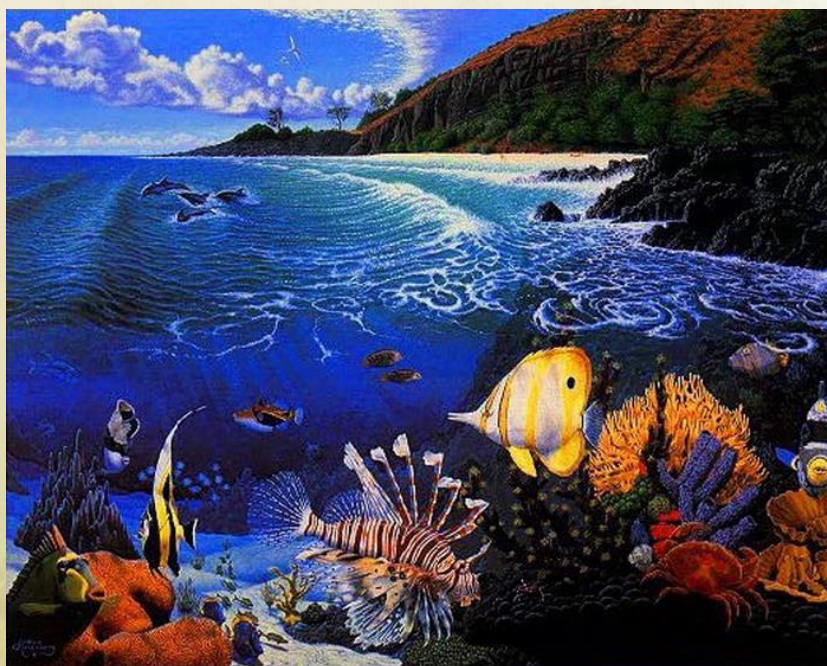
—Спору нет, удивительная бутылка, —согласился Кеаве.

—А теперь проваливай, приятель, —сказал человек, —и пусть дьявол уберется с тобой вместе.

—Погоди! —закричал Кеаве. —Брось ка эти шутки. На, бери обратно свою бутылку.

—Ты купил ее дешевле, чем она мне стоила, —возразил человек, потирая руки. —Теперь она твоя, я хочу только одного: поскорее увидеть твою спину. —И он позвонил слуге китайцу и приказал выпроводить Кеаве.

Оказавшись на улице с бутылкой под мышкой, Кеаве призадумался: «Если всё, что он сказал про бутылку, —правда, я совершил невыгодную сделку. Но, может быть, старик меня только дурачил?» Прежде всего он пересчитал свои деньги, их оказалось точь в точь столько, сколько было: сорок девять американских долларов и один чилийский.

—Похоже на правду, —сказал Кеаве. —Ну что ж, проверим еще раз.

Улицы в той части города чистые, как палуба корабля, и, хотя стоял полдень, прохожих совсем не было видно. Кеаве бросил свою покупку в канаву и пошел прочь. Дважды он оглядывался и видел молочно-белую пузатую бутылку там, где ее оставил. Оглянулся в третий раз и только свернул за угол, как что то стукнуло его по руке. Можете себе представить? Под самым локтем Кеаве снова торчало

длинное горлышко, а круглое брюшко уютно устроилось в кармане его куртки.

«Выходит, и тут старик сказал правду!» –подумал Кеаве.

Он зашел в лавку, купил штопор и отправился в поле, где его никто не мог увидеть. Там он попытался вытащить пробку, но, сколько ни ввинчивал штопор, тот сразу же выскакивал обратно, а пробка оставалась целехонька.

–Видно, какой то новый сорт пробок! –сказал Кеаве, и тут от страха его стала бить дрожь, и он весь покрылся холодным потом.

На пути в порт Кеаве увидел лавку, где продавались раковины, дубинки дикарей, древние языческие божки, старые монеты, китайские и японские картинки и прочие диковины, которые моряки привозят в своих сундучках. Эго навело Кеаве на новую мысль. Он вошел в лавку и предложил купить у него бутылку за сто долларов. Сперва хозяин только засмеялся и сказал, что не даст больше пяти; но бутылка и впрямь была удивительная –ни одному стеклодуву еще не удавалось сделать подобной: так красиво переливались краски под молочно-белой поверхностью стекла, так удивительно плясала внутри какая то тень! Поторговавшись немного, как принято у их брата, торговец отдал Кеаве шестьдесят долларов серебром и поставил бутылку на полочку посредине витрины.

«Ну вот, –сказал себе Кеаве, –я продал за шестьдесят долларов то, что купил за пятьдесят... даже чуть дешевле, ведь один из моих долларов был чилийский. Теперь я еще раз проверю, правду ли говорил старик». Он отправился на корабль, и, когда открыл свой сундучок, бутылка была уже там –раньше его поспела.

У Кеаве был на корабле друг, которого звали Лопака.

–Что с тобой? –спросил Лопака. –Чего это ты воззрился на сундучок?

Они были на баке одни, и, взяв с друга слово, что он будет молчать, Кеаве всё ему рассказал.

–Очень странная история, – сказал Лопака, –боюсь, втянет тебя бутылка в беду! Но одно ясно –ты знаешь, что тебе грозит, так постарайся повернуть это дело себе на пользу. Подумай, чего бы ты хотел от духа, прикажи ему, и, если всё сойдет хорошо, я сам потом куплю у тебя бутылку: у меня давно есть мечта обзавестись торговой шхуной и плавать между островами.

–А я хочу другого, –сказал Кеаве. –Я хочу, чтобы у меня был красивый дом и сад на побережье Коны, где я родился и где всегда светит солнце, и

чтобы в саду цвели цветы, в окнах сверкали прозрачные стекла, на стенах висели картины, на столах лежали расшитые скатерти и стояли безделушки, и чтобы был этот дом точь в точь как тот, где я купил бутылку, только на этаж выше и с балконами вокруг, как во дворце короля, и я хочу там жить без забот и веселиться с друзьями и родичами.

–Ну что же, –сказал Лопака, –давай возьмем бутылку с собой на Гавайи, и, если всё сбудется по твоему желанию, я куплю ее, как обещал, и попрошу у духа шхуну.

Так они и порешили, и в скором времени Кеаве с бутылкой и Лопака вернулись на корабле в Гонолулу. Не успели они высадиться на берег, как встретили приятеля, и тот сразу же стал соблезновать Кеаве.

–Да разве у меня случилось что худое? –спросил Кеаве.

–Неужто ты не слышал? –удивился приятель. –Твой дядя, такой достойный старик, умер, а твой двоюродный брат, этот красавец юноша, утонул в море.

Сердце Кеаве исполнилось печали, он принялся плакать и стенать и совсем забыл про бутылку. Но Лопака призадумался, и, когда горе Кеаве немного утихло, Лопака сказал:

–Послушай, не было ли у твоего дяди земель на Гавайях, в Кау?

–Нет, –ответил Кеаве, –его земли не в Кау, а в горной части острова, немного южнее Хоокены.

–Теперь они будут твои? –спросил Лопака.

–Да, мои, –ответил Кеаве и снова принялся оплакивать своих родичей.

–Постой, –сказал Лопака, –погоди плакать. Мне пришла в голову вот такая мысль: а что если всё это –штуки духа в бутылке? Ведь теперь тебе есть где построить дом.

–Если это так, –воскликнул Кеаве, –то он сослужил мне плохую службу, убив моего дядю и брата! Однако ты, может быть, и прав, потому что я представлял себе свой дом как раз в таком месте.

–Но дома то еще нет, –заметил Лопака.

–Нет, и вряд ли будет, –подтвердил Кеаве. –У дяди, правда, были небольшие плантации кофе, авы и бананов, но этого едва хватит на то, чтобы жить в достатке, а остальная его земля –черная лава.

–Давай пойдем к нотариусу, –сказал Лопака, –эта бутылка всё таки у меня из головы нейдет.

И вот, когда они пришли к нотариусу, оказалось, что незадолго до смерти дядя Кеаве неслыханно разбогател и после него осталось большое состояние.

–Вот тебе и деньги для дома! –вскричал Лопака.

–Если вы думаете строить дом, –сказал нотариус, –то вам, пожалуй, стоит поговорить с нашим новым архитектором, все очень его хвалят.

–Отлично! –воскликнул Лопака. –Всё идет как по писаному. Что еще приготовил нам дух?

И они пошли к архитектору, а у того на столе лежали рисунки разных домов.

–Вы хотите что-нибудь необычное? –спросил архитектор. –Как вам нравится вот это? –И он протянул Кеаве один из рисунков.

Едва Кеаве взглянул на рисунок, как с губ его сорвался громкий возглас, потому что это был точь в точь такой дом, какой он видел в своих мечтах.

«Что ж, нет худа без добра, – подумал Кеаве. –Отступить некуда, придется взять этот дом. Хоть и недобрым путем он мне достался, а другого выхода нет».

Он рассказал архитектору, каким бы хотел видеть свой дом и как бы ему захотелось его обставить, и о картинах на стенах, и о безделушках на столах, а затем прямо спросил, во что всё это обойдется.

Архитектор задал ему много вопросов, потом взял перо и стал считать, а когда кончил, назвал сумму –точь в точь такую, какую Кеаве получил в наследство.

Лопака и Кеаве переглянулись и закивали головами.

«Дело ясное, – подумал Кеаве, –быть у меня этому дому, хочу я того или нет. Он достался мне от дьявола и, боюсь, доведет меня до беды. Одно я знаю твердо: пока я не избавлюсь от этой бутылки, я не задумаю больше ни одного желания. Но раз дом всё равно уже у меня на совести, так отчего ж не извлечь добра из худа?»

Поэтому он заключил с архитектором контракт, и они оба его подписали; Кеаве с Лопаккой снова сели на корабль и отплыли в Австралию, порешив между собой ни во что не вмешиваться и предоставить архитектору и злему духу строить и украшать дом, как им будет угодно.

Плавание их было удачно, только Кеаве приходилось следить за каждым своим словом, раз уж он дал обет, что не выскажет больше ни одного желания и не станет одолажаться у дьявола. Они вернулись в тот самый день, когда истекал срок контракта. Архитектор сообщил им, что всё готово, и Кеаве с Лопаккой сели на «Чертог» –пароход, ходивший вдоль побережья Коны, –чтобы осмотреть дом и убедиться, что он точно такой, о каком мечтал Кеаве.

Дом стоял на горе, видный издали проплывавшим мимо судам. Над ним вздымался под самые тучи лес, под ним низвергалась к морю застывшая черная лава, и в пещерах на склонах покоились короли былых времен. Вокруг дома пестрым ковром раскинулись цветники, во фруктовом саду с одной стороны росли папайи, с другой –хлебные деревья, а прямо перед домом, со стороны моря, была водружена корабельная мачта с флагом. Дом был в три этажа, с большими комнатами и широкими балконами. В окнах сверкали стекла, прозрачные как вода, ясные как солнечный день. Комнаты были уставлены нарядной мебелью. На стенах висели картины в золотых рамах: большие корабли, и сражения, и прекрасные женщины, и диковинные ландшафты, – во всем мире не сыскать таких ярких красок, как на картинах, которые украшали новый дом Кеаве. А безделушки... безделушки были редкостные: часы куранты и музыкальные шкатулки, человечки, кивающие головами,

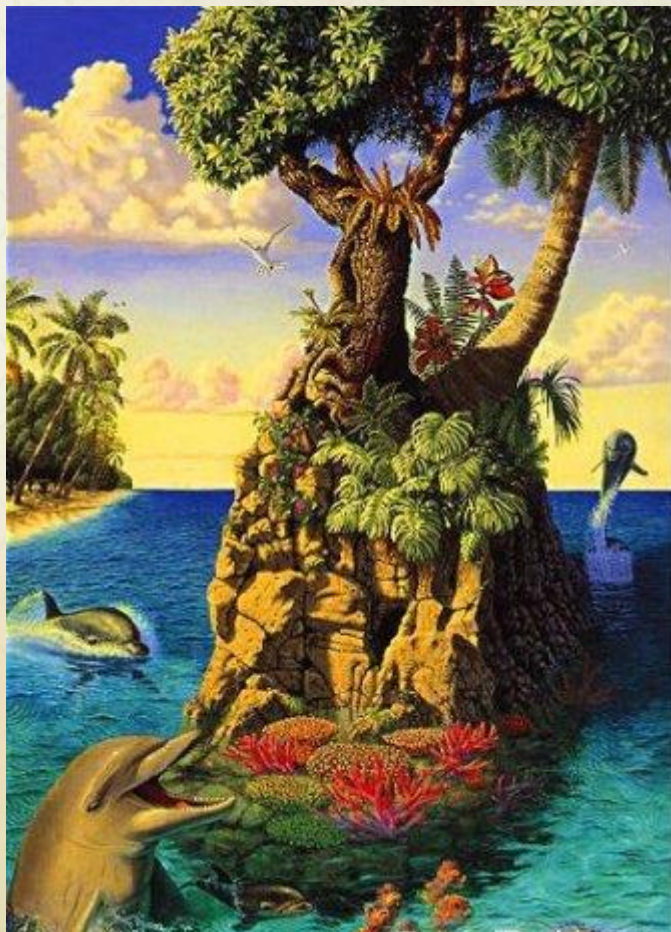
книги с чудесными картинками, драгоценное оружие со всех концов света и хитроумнейшие головоломки, чтобы занять досуг одинокого человека. Комнаты были слишком хороши, чтобы в них жить, хотелось только прохаживаться по ним и любоваться, а балконы были такие широкие, что на них мог бы разместиться целый город. Кеаве трудно было решить, что ему больше по вкусу – веранда за домом, где лицо освежал легкий горный ветерок и тешили взор фруктовые сады и цветники, или балкон перед домом, где он мог дышать ветром с моря, и глядеть на круто падающий склон, и видеть «Чертог», когда он проходил здесь раз в неделю, по пути к горам Пеле и обратно в Хоокену, либо шхуны, бороздившие море с грузом леса, бананов и авы.

Осмотрев дом, Кеаве и Лопака уселись на веранде.

–Ну, –спросил Лопака, –всё здесь так, как ты задумал?

–Слов нет, –сказал Кеаве. –Это даже лучше, чем в моих мечтах. Большого и желать нельзя.

–И однако же, –промолвил Лопака, –всё это, быть может, случилось само собой, без помощи духа. Если я куплю бутылку и не получу шхуну, я зря суну руку в огонь. Кдал тебе слово, это верно, но думаю, ты не откажешься еще раз проверить, существует ли дух на самом деле.

–Я поклялся, что больше не стану просить ни об одной услуге, –сказал Кеаве. –Я и так слишком глубоко увяз.

–Да я не об услуге говорю, –возразил Лопака. –Я хочу только посмотреть на духа. В этом нет никакой выгоды, значит нечего и бояться. Мне бы только разок взглянуть на него, тогда я поверю, что тут нет подвоха. Пойди на это ради меня, покажи мне духа, и я куплю бутылку.

–Я только одного боюсь, –заколебался Кеаве. –Как бы ты не отказался от покупки, если дух и вправду очень безобразен.

–Мое слово свято, –сказал Лопака. –А вот и деньги.

–Ладно, –согласился Кеаве, –мне и самому любопытно. Так выходи, господин Дух, дай нам на тебя взглянуть!

Не успел он промолвить эти слова, как дух выглянул из бутылки и снова, быстрее ящерицы, юркнул внутрь. Кеаве с Лопакой окаменели. И только с наступлением ночи они пришли в себя и к ним снова вернулся голос, и тогда Лопака придвинул Кеаве деньги и взял бутылку.

–Твое счастье, что я человек слова, –сказал он, –иначе я не коснулся бы этой бутылки и пальцем. Ну что ж, я получу шхуну и малую толику денег на расходы, а потом сбуду эту

бутылку с рук, не медля ни минуты, ибо, сказать по совести, вид духа поверг меня в трепет.

–Лопака, –промолвил Кеаве, –не думай обо мне слишком худо. Я знаю, сейчас ночь, и дорога плохая, и страшно ехать мимо пещер в такой поздний час, но скажу тебе честно: я увидел духа и не смогу ни есть, ни спать, ни молиться, пока он здесь. Я дам тебе фонарь, и корзинку для бутылки, и любую картину или безделушку из моего дома, которые пришлось тебе по вкусу... только уезжай немедленно и переночуй в Хоокене, в доме у Нахину.

–Кеаве, –ответил Лопака, –другой на моем месте, наверно, обиделся бы, ведь я поступаю, как истинный друг: не отказываюсь от своего слова и беру бутылку, а ночь, и темнота, и путь мимо могил в десять раз опаснее, когда у человека такой грех на совести и такая бутылка в руках. Но я и сам до того напуган, что у меня язык не поворачивается тебя винить. Поэтому я уезжаю и молю бога, чтобы ты был счастлив в своем доме, а мне была удача со шхуной и оба мы после смерти попали в рай, несмотря на дьявола и его бутылку.

И Лопака поехал вниз, к морю, а Кеаве стоял на балконе и слушал, как звенят подковы, смотрел, как движется огонек фонаря по тропинке, которая вилась по склону, мимо самых пещер, где с давних времен покоится прах королей. И он дрожал, и ломал руки, и молился за своего друга, и возносил хвалу господу за то, что сам избавился от беды.

Но наступило ясное, солнечное утро, и на новый дом было так приятно смотреть, что Кеаве забыл свои страхи. День шел за днем, а Кеаве не уставал радоваться. Обычно он проводил

время на веранде за домом, там он ел, и спал, и читал выходящие в Гонолулу газеты, но, если к нему приезжал ктонибудь, он шел с гостем в дом и они осматривали комнаты и картины. И слава об этом доме разнеслась далеко вокруг; по всей Коне его называли Ка Хале Нуи – Большой Дом, а иногда –Сверкающий Дом, ибо Кеаве держал китайца, который весь дель только и делал, что мыл и чистил; и стекла, и позолота, и узорные ткани, и картины –всё сверкало, как летнее утро. А сам Кеаве ходил по комнатам и пел песни, так радостно было у него на душе, и, когда мимо проплывал корабль, Кеаве поднимал на мачте флаг.

Так шли его дни, пока однажды Кеаве не поехал в Каилуа повидаться с друзьями. Там его хорошо угостили, а на следующее утро он рано пустился в обратный путь и всю дорогу подгонял коня, очень уж ему не терпелось увидеть свой прекрасный дом. К тому же Кеаве знал, что в эту ночь, единственную в году, мертвецы выходят из могил на склонах Коны, а спутавшись однажды с дьяволом, Кеаве, понят но, желал избежать встречи с мертвецами. Миновав Хонау нау, он заметил, что вдалеке кто то купается у самого берега; ему показалось, что это девушка, но она лишь на миг заняла его мысли. Затем он увидел, как развеивается на ветру ее белая сорочка и красный холоку, а к тому времени, как он с ней поравнялся, она уже успела одеться и стояла на обочине дороги, свежая после купанья, и глаза ее сияли добротой. Увидев ее, Кеаве натянул поводья.

–Я думал, в этих краях мне все знакомы, –сказал он. –Как это вышло, что я не знаю тебя?

–Я Кокуа, дочь Киано, –ответила девушка. –Я только что вернулась из Оаху. А как твое имя?

–Я скажу его тебе немного позже, –ответил Кеаве, спешиваясь. –Ибо ты, возможно, слышала обо мне и, узнав мое имя, не дашь мне правдивого ответа. А у меня есть одно намерение. Но прежде скажи: ты замужем?

Услышав его слова, Кокуа громко рассмеялась.

–Недурные ты задаешь вопросы, –сказала она. –А сам ты женат?

–Поверь, Кокуа, нет, –ответил Кеаве, –и никогда до этой минуты не помышлял о женитьбе. Но признаюсь тебе по правде: я встретил тебя здесь, у дороги, и увидел глаза твои, подобные звездам, и сердце мое устремилось к тебе быстрее птицы. Если я тебе не угоден, скажи, и я уеду, но, если ты думаешь, что я не хуже других молодых мужчин, скажи и об этом, и я заверну на ночлег к твоему отцу, а завтра поговорю с этим достойным человеком.

Кокуа ничего не ответила, только посмотрела на море и рассмеялась.

–Кокуа, –снова начал Кеаве, –ты ничего не говоришь, и я считаю это хорошим ответом, поэтому пойдем в дом твоего отца.

Она пошла вперед, так ничего и не промолвив, и только время от времени бросала на него взгляд через плечо ц, прикусив завязки от шляпы, снова отворачивалась.

Когда они подошли к дому, Киано вышел на веранду и громко приветствовал Кеаве. Услышав его имя, девушка пристально взглянула на него, так как слава Сверкающего Дома дошла и до ее ушей, и, понятно, такой дом был для нее большим искушением. Весь вечер они веселились вместе, и при родителях девушка была смела на язык и подтрунивала над Кеаве, потому что отличалась живым умом. На следующее утро Кеаве поговорил с ее отцом, а потом разыскал девушку.

–Кокуа, –сказал он, –ты высмеивала меня весь вечер, и еще не поздно приказать мне уйти. Я не хотел называть свое имя, потому что у меня такой прекрасный дом, и я боялся, что ты станешь слишком много думать об этом доме и слишком мало о человеке, который тебя любит. Теперь ты знаешь всё и, если хочешь, чтобы я ушел, скажи Это сразу.

–Нет, –ответила Кокуа, но на этот раз она не смеялась, и Кеаве больше ни о чем не стал спрашивать.

Вот как произошла помолвка Кеаве. Всё свершилось очень быстро, но ведь и стрела летит быстро, а пуля еще быстрее, и обе они попадают в цель. Всё свершилось очень быстро, но чувства их от этого были не менее глубоки, и мысль о Кеаве пела у девушки в сердце, и голос его слышался ей в шуме прибоя, бьющего о черную лаву, и ради человека, которого она видела только два дня, она готова была покинуть мать и отца и родной кров. А в это время Кеаве несся вверх по горной тропинке мимо пещер, где покоились короли, и

цоканье копыт и голос всадника, распевавшего от радости, эхом отдавались в пещерах. С песней приехал он в Сверкающий Дом и сел за трапезу на широком балконе, и китаец удивился, услышав, что его хозяин поет за едой. Солнце скатилось в море, и пришла ночь, а Кеаве разгуливал по балконам при свете ламп, и песня его, несущаяся с горы, будила на кораблях моряков.

–Вот я стою в своем доме высоко над морем, –сказал он себе. –Я достиг вершины. Жизнь не может быть лучше. Теперь она начнет склоняться к закату. В первый раз я зажгу нынче свет во всех комнатах, и вымоюсь в своем чудесном бассейне с горячей и холодной водой, и лягу спать один в брачной опочивальне.

Он разбудил китаец и приказал ему нагреть воду, и, возясь у топки, тот слышал, как хозяин радостно распевает наверху в освещенных комнатах. Когда вода согрелась, слуга крикнул об этом Кеаве, и тот пошел в ванную, и китаец слышал, как хозяин поет, наполняя водой мраморный бассейн, слышал, как он поет и как пение прерывается в те минуты, когда Кеаве снимает одежды. И вдруг песня оборвалась. Китаец слушал и слушал, он окликнул Кеаве и спросил, всё ли в порядке, и Кеаве ответил ему «да» и велел ложиться, но в Сверкающем Доме больше не звучала песня, и всю ночь напролет слуга слышал, как хозяин мерит шагами балкон.

А дело было вот в чем: когда Кеаве, собираясь выкупаться, разделся, он заметил у себя на теле пятнышко, вроде лишая на скале. И тогда то умолкла его песня, ибо Кеаве знал, что означает это пятнышко, он знал, что его поразила проказа.

Любому горько заболеть такой болезнью. И любому горько было бы оставить дом, красивый, удобный, покинуть всех друзей и отправиться на северное побережье Молокаи, где нет ничего, кроме голых скал и морских бурунов. Но что может сравниться с горем Кеаве, Кеаве, который только вчера встретил свою любовь, только сегодня завоевал ее, а теперь видит, что все надежды вмиг разлетелись, как хрупкое стекло.

Несколько минут он сидел на краю бассейна, затем с криком вскочил и, выбежав на балкон, стал метаться взад и вперед, объятый отчаянием.

«С охотой покинул бы я Гавайи, родину моих предков, –думал Кеаве, –с легким сердцем оставил многооконный свой дом, стоящий у горной вершины. Храбро отправился бы в Молокаи, в селение Калаупапа, укрывшееся под сенью утесов, чтобы жить там с прогневившими бога и умереть вдаль от могил своих предков. Но за какие злые дела, За какие грехи послана мне была вчера встреча с Кокуа, выходящей из моря?! О Кокуа – похитительница сердца! Кокуа –свет моей жизни! Никогда не называть мне тебя своей женой, никогда больше не взглянуть на тебя, никогда не коснуться твоего тела! Только об этом, только о тебе, о Кокуа, скорблю я так неутешно!»

Теперь вы видите, какой человек был Кеаве. Ведь он мог жить в Сверкающем Доме долгие годы, и никто не узнал бы о его болезни. Но на что была ему эта жизнь, если он должен потерять Кокуа? Конечно, он мог бы жениться на Кокуа, и многие так бы и сделали, потому что у них души свиней, но Кеаве любил девушку, как настоящий мужчина, и ни за что не причинил бы ей зла и не навлек бы на нее опасность.

Уже после полуночи Кеаве вдруг вспомнил про волшебную бутылку. Он прошел на веранду за домом, и в памяти его встал тот день, когда он увидел духа, и холод пробежал по его жилам.

«Страшная штука эта бутылка, –думал Кеаве, –и страшен дух, и страшно навлечь на себя пламя ада. Но нет у меня другой надежды излечиться от болезни и взять Ко куа в жены. Я не убоялся связаться с дьяволом ради какого то дома, –так неужели у меня не хватит

мужества снова испросить у него помощи, чтобы Кокуа стала моей?»

Тут он вспомнил, что на следующий день мимо должен пройти «Чертог» на обратном пути в Гонолулу. «Туда то мне и следует отправиться прежде всего, –подумал он, –и повидать Лопаку. Ибо теперь единственное мое спасение вбутылке, от которой я так рад был избавиться».

Ни на миг не сомкнул он глаз, пища застревала у него в горле, но он послал письмо Киано, и к тому времени, когда пароход должен был подойти к берегу, спустился верхом, мимо могил под утесами, к морю. Лил дождь, лошадь шла с трудом; Кеаве глядел на черные пасти пещер и завидовал мертвецам, которые спали вечным сном, покончив со всеми земными тревогами. Потом он припомнил, как скакал здесь вчера на коне, и сам себе не поверил. Кеаве приехал в Хоокену, а там, как обычно, в ожидании парохода собралась вся округа. Люди расположились под навесом перед лавкой, шутили, обменивались новостями, но Кеаве ни о чем не хотелось говорить, и, сидя среди них, он глядел, как дождь барабанит по крышам и как прибой бьется о скалы, и вздохи вырывались из его груди.

—Кеаве из Сверкающего Дома не в духе, —говорили люди. Так оно и было, и чему тут удивляться?

Немного погодя подошел «Чертог», и шлюпка отвезла Кеаве на борт. Корму занимали хаоле,² которые, как это у них в обычае, ездили осматривать вулкан; на средней части палубы было полным полно канаков,³ а на носу разместились дикие быки из Хило и лошади из Каны, но Кеаве, погруженный в печаль, сидел один и ждал, когда появится на берегу дом Киано. Вот он у самого моря, среди черных скал, укрытый от солнца пальмами какао, а у дверей с пчелиной деловитостью движется взад и вперед фигурка в красном холоку, сама не больше пчелы.

—Ах, владычица моего сердца, —вскричал Кеаве, —я отдам свою бессмертную душу, только бы получить тебя!

Вскоре наступил вечер, и в каютах зажглись огни, и хаоле, как это у них в обычае, сели играть в карты и пить виски. Но Кеаве всю ночь ходил по палубе. И весь следующий день, когда они шли с подветренной стороны острова вдоль Мауи и Молокан, он продолжал метаться взад вперед, как зверь в клетке.

К вечеру они миновали Дайамонд Хед и вошли в гавань Гонолулу. Кеаве вместе со всеми спустился на берег и стал расспрашивать про Лопаку. Оказалось, что тот стал владельцем шхуны —лучшей не найти на всех островах —и отправился в дальнее плавание, к Пола Пола или Кахики, так что от Лопакки нечего было ждать помощи. Кеаве припомнил, что в городе у Лопакки был друг, нотариус (я не могу открыть его имя), и спросил о нем. Ему сказали, что тот внезапно разбогател и живет в прекрасном новом доме на берегу Вайкики. Э^{то} навело Кеаве на новую мысль; он нанял экипаж и поехал к дому нотариуса.

Дом был новехонький, и деревья в саду не выше трости, и у хозяина, встретившего Кеаве в дверях, был очень довольный вид.

—Чем могу служить? —спросил он.

—Вы друг Лопакки, —ответил Кеаве, —а Лопакка купил у меня одну вещь, и я надеялся, что вы поможете мне ее найти.

Лицо нотариуса помрачнело.

—Не буду притворяться, что не понял вас, мистер Кеаве, —сказал он, —хотя и не хочется мне ворошить это страшное дело. Поверьте, я ничего не знаю, хотя кое о чем догадываюсь, и, если вы обратитесь в одно место, возможно, вы получите сведения о том, что вас интересует.

И он назвал имя человека, которое я опять таки лучше не повторю. И вот, день за днем, Кеаве ходил от одного к другому и всюду видел новые наряды, и экипажи, и прекрасные новые дома, и довольных людей, но, конечно, когда он намекал на то, что привело его к ним, лица их омрачались.

—Ясно, я на правильном пути, —думал Кеаве. —Эти нарядные одежды и экипажи —дары маленького духа, а люди потому так радуются, что воспользовались этими дарами и благополучно избавились от проклятой бутылки. Когда я увижу бледное лицо и услышу вздохи, я буду знать, что бутылка близко.

И вот, наконец, его направили к одному хаоле, жившему на Беритания стрит. Он пришел туда под вечер и увидел, как обычно, новый дом, и молодой сад, и электрический свет в окнах, но, когда к нему вышел владелец дома, надежда и страх охватили Кеаве: перед ним стоял юноша, бледный как мертвец, под глазами его залегли тени, редкие волосы свисали прядями, и вид у него был такой, словно его ждет виселица.

«Бутылка у него, тут нет никаких сомнений», —подумал Кеаве и приступил прямо к делу.

—Я хочу купить бутылку, —сказал он.

Услышав эти слова, молодой хаоле с Беритания стрит чуть не упал.

—Бутылку?! —воскликнул он. —Купить бутылку!

Казалось, он сейчас задохнется от волнения. Схватив Кеаве за руку, он повлек его в комнату и налил в стаканы вина.

—Ваше здоровье! —сказал Кеаве. В свое время он часто встречался с белыми. —Да, — подтвердил он, —я пришел купить бутылку. Какая ей теперь цена?

Услышав вопрос гостя, молодой человек выронил стакан и поглядел на Кеаве так, словно увидел привидение.

—Цена? —повторил он. —Цена! Так вы не знаете, сколько она стоит?

—Иначе я бы не стал спрашивать, —ответил Кеаве. —Но отчего это вас так волнует? Что тут неладно?

—За это время бутылка сильно упала в цене, мистер Кеаве, —сказал молодой человек, заикаясь.

—Ну что ж, мне придется меньше платить, —промолвил Кеаве. —Сколько отдали вы?

Молодой человек побледнел как полотно.

—Два цента, —сказал он.

—Что?! —вскричал Кеаве. —Два цента? Значит, вы можете продать бутылку только за один цент, а тот, кто ее купит... —Слова замерли у Кеаве на устах. —Тот, кто ее купит, никогда не сможет продать ее снова: бутылка и дух останутся при нем до конца его дней, а после смерти

унесут его в пекло.

Молодой человек с Беритания стрит упал на колени.

–Ради бога, купите бутылку! –взмолился он. –Возьмите всё мое богатство в придачу. Я был безумцем, купив ее за такую цену. Я растратил чужие деньги, и, если бы не бутылка, я бы пропал, меня посадили бы в тюрьму.

–Несчастный! –воскликнул Кеаве. –Ты пошел на такое опасное дело и поставил на карту свою душу, только чтобы избежать справедливого наказания за свой бесчестный поступок! Так неужто я дрогну, когда на карту поставлена любовь? Давай же бутылку и сдачу, я знаю, она у тебя под рукой. Вот пять центов.

Кеаве угадал: сдача была приготовлена и лежала в ящике стола. Бутылка перешла из рук в руки, и не успели пальцы Кеаве обхватить длинное горлышко, как он пожелал снова стать здоровым. И можете не сомневаться, когда он добрался до своей комнаты в гостинице и разделся перед зеркалом донага, кожа его была чиста, как у младенца. Но вот что удивительно: не успел он убедиться в этом чуде, как мысли его переменялись, и его совсем перестала интересовать проказа и почти совсем –Кокуа, и он думал лишь об одном –о том, что прикован к духу в бутылке на вечные времена и удел его –стать головней в пламени ада. Мысленным взором он уже видел, как пылает огонь, и душа его содрогнулась от страха, и свет померк в глазах.

Когда Кеаве немного пришел в себя, он услышал, что в зале играет оркестр, и пошел туда, так как боялся оставаться один. Он бродил среди счастливых людей и слушал, как то громче, то тише играет музыка, и смотрел, как дирижер отбивает такт, и всё это время в его ушах гудело пламя и перед глазами пылал красный огонь в бездонной глубине преисподней. Вдруг оркестр начал играть «Хики ао ао», песню, которую они пели вместе с Кокуа, и это вселило в него бодрость.

«Ну что ж, –подумал он, как в былые дни, –дело сделано, так отчего ж не извлечь добра из худа!»

И первым пароходом он вернулся на Гавайи и вскоре женился на Кокуа и отвез ее в Сверкающий Дом на склоне горы.

Жизнь их сложилась так: когда они были вместе, душа Кеаве успокаивалась, но стоило ему остаться одному, как на него нападала тяжкая тоска и он слышал, как трещит пламя, и видел, как пылает красный огонь в бездонной глубине преисподней.

Девушка отдала ему себя целиком, сердце ее трепетало при виде Кеаве, рука льнула к его руке, и так она была хороша от самой маковки и до кончиков ногтей, что всякий, глядя на нее, радовался. У нее был легкий нрав. Для каждого она находила доброе слово. Она знала множество песен и порхала по Сверкающему Дому –самое сверкающее из его украшений –распевая, как птичка. И Кеаве радовался, глядя на Кокуа, а потом, уединившись, плакал и стенал, думая о цене, которую заплатил за нее, и снова вытирал глаза, и освежал водой лицо, и шел к жене, и садился рядом на широком балконе, и пел с ней вместе, и затаив тоску в груди, отвечал на ее улыбки.

Но наступил день, когда притихли ее шаги и приумолкли песни, и теперь уже не только Кеаве прятался, чтобы скрыть свои слезы. Оба они стали избегать друг друга и сидели на

разных балконах, разделенные покоем дома. Кеаве был погружен в отчаяние, и почти не замечал перемены в жене, и был только рад, что может чаще оставаться один и размышлять о своей грустной судьбе и что не приходится делать веселое лицо в то время, как сердце гложет тоска. Но однажды, когда он тихонько проходил по дому, ему послышалось, что где-то плачет ребенок, и вдруг он увидел на балконе Кокуа, которая билась головой об пол и рыдала, как заблудившееся дитя.

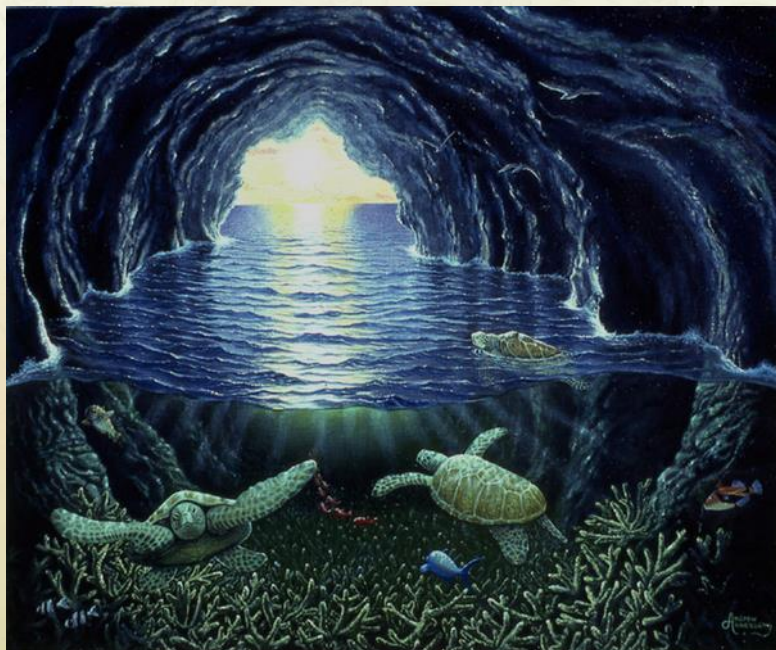
—Да, Кокуа, в этом доме только и остается, что плакать, — промолвил Кеаве. —И всё же я отдал бы всю свою кровь до последней капли, чтобы ты, хотя бы ты, была счастлива.

—Счастлива?! — вскричала она. —Кеаве, когда ты жил один в Сверкающем Доме, все называли тебя самым счастливым человеком в мире, ты смеялся и пел, и лицо твое светилось, как восходящее солнце. А потом ты взял в жены несчастную Кокуа, и один бог знает, в чем ее вина... но с того дня ты больше не смеешься. Ах, — воскликнула она, —какое заклятье лежит на мне? Я думала, я красива; я знала, что люблю мужа. Какое заклятье лежит на мне, что темное облако омрачило его чело?

—Бедная Кокуа, — сказал Кеаве. Он сел рядом с ней и хотел взять ее за руку, но она отдернула руку прочь. —Бедная Кокуа, — повторил он, —мое бедное дитя... моя красавица. А я то думал оградить тебя от горя!... Ну что ж, придется открыть тебе всё. Тогда ты, по крайней мере, пожалеешь бедного Кеаве, тогда ты поймешь, как онлюбил тебя... если не убоился ада, чтобы сделать тебя своей... и как он, несчастный, осужденный на вечные муки, всё еще тебя любит, если может вызвать на свои уста улыбку, когда видит твое лицо.

И он рассказал ей всё с самого начала.

—И ты сделал это ради меня? — вскричала Кокуа. —О, тогда ничто мне не страшно!

И она обняла его и заплакала у него на груди.

—Ах, дитя, — вздохнул Кеаве, —а в меня мысль о геенне огненной вселяет великий страх.

—Не говори об этом, — сказала она, — не может человек погибнуть только из за того, что полюбил Кокуа. Клянусь тебе, Кеаве, я спасу тебя или погибну с тобою вместе. О! Ты продал дьяволу душу из любви ко мне, так неужто я не отдам жизнь для твоего спасения?

—Ах, сердце мое, ты можешь сто раз отдать свою жизнь, но что это

изменит?! — воскликнул он. —Ты только оставишь меня в одиночестве до того дня, когда наступит расплата.

—Ты ничего не знаешь, — сказала она. —Я образованная девушка, я училась в школе в Гонолулу. И я обещаю, любимый, я спасу тебя. Пусть бутылка стоит сейчас один цент, что с

того? Не везде же в ходу американские деньги. В Англии есть монета, которую называют фартинг, она в два раза меньше цента... Ах, горе! –вдруг перебила себя Кокуа. –это вряд ли поможет делу, ведь тот, кто купит бутылку за фартинг, осужден на гибель, и мы не найдем человека, который был бы так же храбр, как мой Кеаве! Но постой –во Франции есть сантимы, их идет пять монет на цент или около того. Да, лучше и придумать нельзя! Поедем на французские острова, Кеаве, на Таити, и как можно скорее. Там у нас будут четыре сантима, три сантима, два сантима, один сантим, –еще три раза бутылка сможет перейти из рук в руки, а вдвоем мы легче уладим эту сделку. Ну, мой Кеаве, поцелуй же меня и оставь все заботы. Кокуа тебя отстоит!

–О божий дар! –воскликнул Кеаве. –Неужели же всемогущий накажет меня за то, что я пожелал назвать своим столь прекрасное и доброе создание! Пусть будет по твоему: вези меня, куда хочешь, вверю тебе свою жизнь и спасение.

На следующий день Кокуа спозаранку стала готовиться к отъезду. Она взяла сундук Кеаве, с которым раньше отправлялся в плавание, и прежде всего сунула на дно бутылку, а затем уложила лучшие одежды и самые редкостные безделушки.

–Потому что, –сказала она, –надо, чтобы нас считали богатыми, иначе нам не поверят.

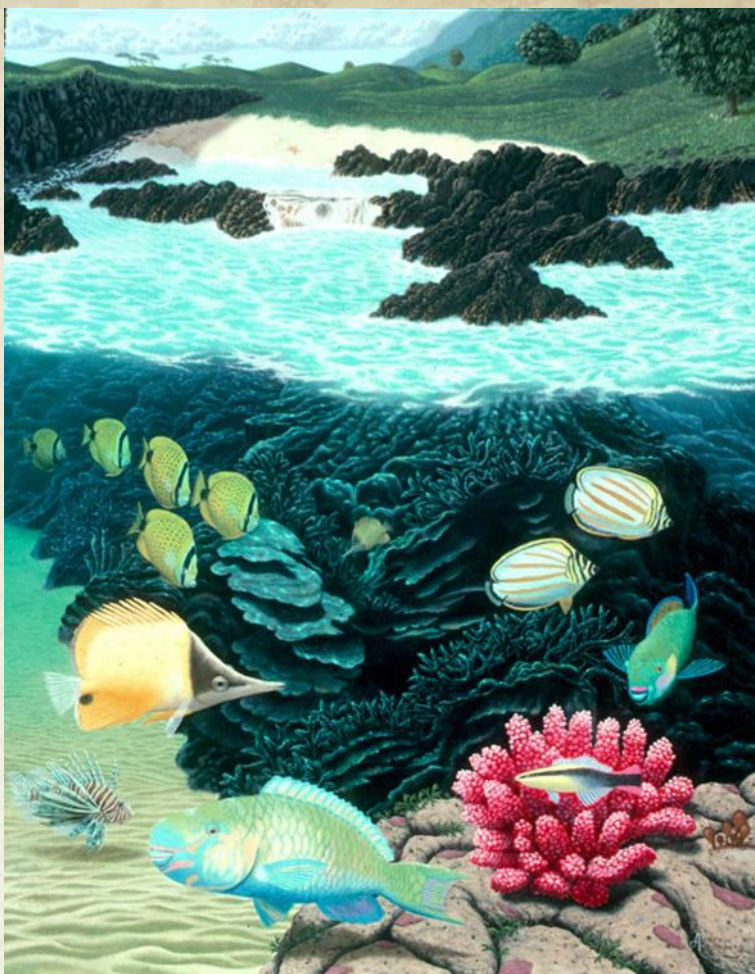
Всё время, пока они готовились к отъезду, Кокуа была весела, как птичка, и, только когда бросала взгляд на Кеаве, глаза ее затуманивались слезой и она не могла удержаться, чтобы не подбежать к нему с поцелуем.

А у Кеаве с души свалился камень, и теперь, когда он открыл свою тайну жене и для него проглянул луч надежды, он казался другим человеком: шаг его стал легок, и он дышал полной грудью. Но страх таился рядом, и временами надежда его гасла, как свеча под порывом ветра, и он видел бушующее пламя в багровой бездне преисподней.

Они пустили слух, что отправляются в путешествие по Штатам. Люди подивились этому, но, если бы они знали правду, она показалась бы им еще более странной. Итак, они отплыли на «Чертоге» в Гонолулу, а оттуда вместе с множеством хаоле на «Уматилла» в Сан Франциско, а в Сан Франциско сели на почтовую бригантину «Птица тропиков», которая направлялась в Папеэте, главную резиденцию французов на южных островах. Подгоняемые пассатом, они после спокойного плавания прибыли туда в ясный день и увидели рифы, о которые разбивался прибой, и Мотиути под сенью пальм, и шхуну внутри лагуны, и белые домики на низком берегу, и зеленые деревья, а надо всем этим горы и облака Таити, острова мудрости.

Они рассудили, что благоразумнее всего будет снять дом; так и сделали, выбрав место против резиденции английского консула, чтобы выставить напоказ свое богатство и щегольнуть лошадьми и экипажами. Это не составило труда, так как в их распоряжении была бутылка, а Кокуа оказалась храбрее Кеаве и всякий раз, когда ей было нужно, просила у духа двадцать, а то и сто долларов. Таким образом, они вскоре стали заметными людьми в городе, и все только и говорили, что о «чужестранцах с Гавайев», их выездах и верховых лошадях, великолепных холоку и богатых кружевах Кокуа.

Прошло немного времени, и они научились языку таитян, который отличается от языка гавайцев всего несколькими звуками, а как только начали говорить свободно, тотчас приступили к выполнению своего плана. Как вы сами, наверно, понимаете, сбыть бутылку было нелегко, ибо нелегко убедить людей, что вы не шутите, когда предлагаете за четыре сантима неиссякаемый источник здоровья и богатства. Кроме того, они не могли скрывать,

какую опасность таит в себе бутылка. И собеседники либо не верили им и смеялись, либо, устранившись темной сделки, сразу становились серьезными и старались отделаться от Кеаве и Кокуа – людей, связавшихся с дьяволом. Они не только не добились успеха, но увидели, что в городе стали их сторониться; дети с криком разбегались при их появлении, и это особенно терзало Кокуа; католики, проходя мимо, осеняли себя крестным знаменем; все, как один, отвернулись от них.

Их охватило глубокое уныние. По ночам они сидели в своем доме, измученные прошедшим днем, не обмениваясь ни единым словом, и только рыдания Кокуа вдруг нарушали тишину. Иногда они молились вместе, иногда ставили бутылку на пол и весь вечер смотрели, как пляшет внутри тень духа. А после боялись лечь в постель. И сон долго не смежал их

очей, а если ктонибудь из них впадал в забытие, то, проснувшись вскоре, видел, что другой молча плачет в темноте, а то и совсем не находил никого рядом, ибо стоило одному заснуть, как второй убежал из дома, подальше от бутылки, и ходил под бананами в маленьком садике или бродил по берегу моря при луне.

Однажды ночью Кокуа проснулась и почувствовала, что Кеаве нет рядом. Она пошарила рукой, но постель не хранила даже тепла его тела. Тогда ее охватил страх, и она села на ложе. Сквозь ставни просачивался лунный свет, и Кокуа без труда различала бутылку на полу. Дул сильный ветер, большие деревья за окном жалобно скрипели, и громко шуршали на веранде сбитые листья. И вдруг Кокуа послышался еще какой то звук. Кто его издал – человек или зверь, –она сказать не могла, но он был печален, как смерть, и пронзил ее сердце. Она бесшумно встала с постели, распахнула дверь и выглянула в залитый лунным светом двор. Там, под бананами, лежал Кеаве лицом к земле и тихо стонал.

Кокуа хотела было подбежать к нему и утешить, но тут же остановилась. Кеаве вел себя при жене храбро и мужественно, не пристало ей вторгаться в его одиночество в минуту постыдной слабости. И она вернулась в дом.

«Боже, –подумала она, –как я беспечна, как слаба! Ему, а не мне, грозит вечная гибель, он, а не я, навлек на себя проклятие. Разве не ради любви ко мне, не ради существа, которое его не стоит и так мало может ему помочь, сделал он это и теперь видит перед собой огонь ада и вдыхает запах серы, лежа там, на ветру, при лунном свете. Неужели душа моя так слепа, что я до сих пор не понимала, в чем мой долг, или я попросту боялась понять? Но уж теперь преданность станет поводырем моей души, теперь я скажу «прощай» белым ступеням рая и

друзьям, ожидающим меня там. Любовь за любовь! И пусть моя любовь будет достойна любви Кеаве. Душа за душу! И уж если чьейнибудь душе погибать, то пусть погибнет моя!»

Кокуа была проворная женщина, и вскоре она уже стояла одетая. Она взяла сдачу – драгоценные сантимы, которые они всегда держали наготове. Эти монеты почти вышли из обращения, ими можно было запастись только в правительственной меняльной конторе.

Когда она вышла на улицу, ветер нагнал на небо тучи и луна скрылась. Город спал, и Кокуа не знала, куда ей идти. Вдруг она услышала под деревьями чей-то кашель.

–Незнакомец, –спросила Кокуа, –что ты делаешь на улице в такую холодную ночь?

Человек что-то пробормотал, продолжая кашлять, но она всё же разобрала, что он стар и беден и чужой в этих краях.

–Не окажешь ли ты мне услугу? –спросила Кокуа. –Как чужеземец чужеземке, как старик – молодой женщине, не поможешь ли ты дочери Гавайев?

–Ага, –отозвался старик. –Ты, значит, та самая ведьма с Восьми островов и даже мою старую душу хочешь поймать в свои сети? Но я слышал о тебе и не желаю иметь дела с нечистой силой.

–Сядь, –сказала Кокуа, –и я расскажу тебе одну историю.

И она поведала ему всё про Кеаве с начала и до конца.

–А я, –сказала она, –его жена, которую он купил, заплатив вечным спасением. Что мне делать? Если я пойду к нему сама и попрошу продать мне бутылку, он откажет мне. Но если пойдешь ты, он продаст ее с радостью. Я буду ждать тебя здесь. Ты купишь бутылку за четыре сантима, а я куплю ее у тебя за три, да вселит всемогущий мужество в мое бедное сердце.

–Если ты обманешь меня, –сказал старик, –бог покарает тебя на месте.

–Да будет так! –воскликнула Кокуа. –Я знаю, что он покарает! Я не могу совершить такого вероломства... Бог этого не потерпит.

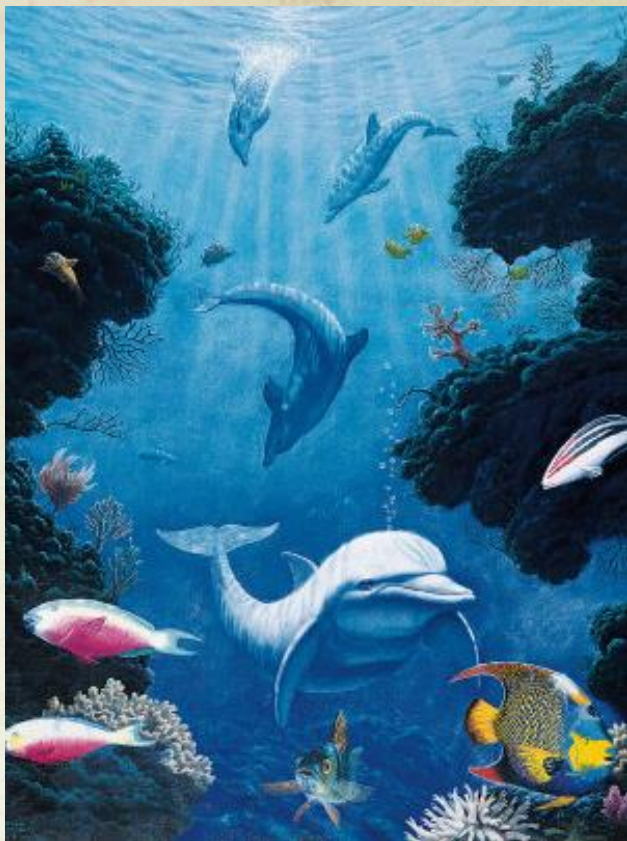
–Дай мне четыре сантима и жди меня здесь, –сказал старик.

Но когда Кокуа осталась на улице одна, мужество покинуло ее. Ветер завывал в деревьях, а ей казалось, будто гудит адское пламя; тени плясали в свете уличного фонаря, а ей казалось, что к ней тянутся злые духи. Если бы у нее хватило сил, она бы, наверное, кинулась бежать, если бы у нее хватило голоса, она бы громко закричала, но она не могла сделать ни того, ни другого и стояла дрожа, как испуганное дитя.

Но вот она увидела, что старик возвращается и несет в руке бутылку.

–Я выполнил твою просьбу, –сказал старик. –Когда я уходил, твой муж плакал, как ребенок. В эту ночь он будет спать спокойно.

И он протянул ей бутылку.

–Прежде чем ты отдашь ее мне, –с трудом проговорила Кокуа, –извлеки добро из худа: попроси духа избавить тебя от кашля.

–Я старый человек, –ответил он ей, –и стою слишком близко к могиле, чтобы просить милостей у дьявола. Но что это? Почему ты не берешь бутылку? Ты колеблешься?

–Нет! –вскричала Кокуа. –Я просто слаба. погоди минутку. Не я... моя рука отказывается ее взять, мои пальцы сами отдергиваются от проклятой бутылки... Всего одну минутку.

Старик с жалостью посмотрел на Кокуа.

–Бедняжка! –сказал он. –Ты боишься, твоя душа чувствует беду... Что ж, оставь бутылку у меня. Я стар, и мне никогда уже не быть счастливым на этом свете, а на том...

–Дай ее мне! –прошептала Кокуа. –Вот деньги. Неужели ты думаешь, я дойду до такой

низости? Дай мне бутылку!

–Благослови тебя бог, дитя! –сказал старик.

Кокуа спрятала бутылку под складками холоку, попрощалась со стариком и пошла куда глаза глядят. Все дороги были ей теперь равны, все они вели в ад. Она то шла, то бежала; то оглашала ночные улицы громкими рыданиями, то падала на землю у обочины дороги и тихо плакала. Всё, что она слышала об аде, припомнилось ей сейчас, –она видела, как полыхает пламя, слышала запах серы, и тело ее уже корчило на углях.

На рассвете она пришла в себя и вернулась домой. Всё было, как сказал старик, –Кеаве спал сном младенца. Кокуа стояла и, не отводя глаз, смотрела на его лицо.

–Теперь, мой супруг, –сказала она, –твой черед спать. Когда ты проснешься, твой черед будет петь и смеяться. Но для бедной Кокуа, которая никому не причинила зла, для бедной Кокуа, увы, нет больше сна, нет больше песен, нет больше радости ни на земле, ни на небе.

С этими словами она легла рядом с ним и тут же погрузилась в забытье, –так истомило ее страдание.

Поздним утром Кеаве разбудил ее и поделился с ней радостной вестью. Казалось, он поглупел от счастья, потому что даже не заметил, в каком она отчаянии, хотя ей очень плохо удавалось это скрыть. Слова застревали у нее в горле, но что за важность! –Кеаве говорил за двоих. За завтраком она не проглотила ни кусочка, но кому было это заметить? –Кеаве очистил всё блюдо. Кокуа видела и слышала его словно во сне; иногда она твердила себе, что всё случившееся ей только померещилось, и прикладывала руку ко лбу: знать, что она осуждена на вечное проклятие, и слышать безмятежную болтовню мужа было невыносимо.

Всё это время Кеаве ел, и разговаривал, и строил планы возвращения домой, и благодарил ее за то, что она его спасла, и ласкал ее, и называл ее своей верной помощницей. А потом стал смеяться над глупым стариком, купившим бутылку.

—Он показался мне сперва достойным человеком! —сказал Кеаве. —Но разве можно судить по виду? Ведь понадобилась же для чего то старому нечестивцу эта бутылка!

—Супруг мой, —смирненно промолвила Кокуа, —у него, может статься, были хорошие намерения.

Кеаве сердито рассмеялся.

—Вздор! —воскликнул он. —Старик —мошенник, говорю тебе, и осел в придачу. Бутылку было трудно продать и за четыре сантима, а уж за три это и вовсе невозможно. Слишком близок ад, уже начинает пахнуть паленым... брр! —содрогнулся он. —Правда, я сам купил ее за один цент, не зная, что есть монеты еще мельче. Я сваял дурака, но другого такого не сыщешь, и тот, кто владеет бутылкой сейчас, унесет ее с собой в преисподнюю.

—О, мой супруг, —промолвила Кокуа, —развене ужасно, спасая себя, толкнуть на вечную гибель другого? Мне кажется, я не могла бы смеяться! Мое сердце было бы полно смирения и грусти. Я молилась бы за несчастного, купившего нашу бутылку.

Тут Кеаве, чувствуя справедливость ее слов, рассердился еще больше.

—Чепуха! —воскликнул он. —Ну и грусти, если тебе угодно, а только не так должна вести себя хорошая жена. Если бы ты хоть немного думала обо мне, ты постыдилась бы так говорить.

Он ушел из дому, и Кокуа осталась одна.

Разве была у нее надежда продать бутылку за два сантима? Нет, это было невероятно. Но даже будь это возможно, так ведь Кеаве торопит ее уехать в те края, где нет монеты меньше цента. А тут еще, в тот самый день, когда она принесла такую жертву, муж недоволен ею, — он ушел и оставил ее одну.

И вместо того чтобы воспользоваться временем, которое у нее еще оставалось, она сидела дома и то вынимала бутылку и глядела на нее с несказанным ужасом, то, содрогаясь, убирала ее с глаз долой.

Вскоре Кеаве вернулся и пожелал, чтобы она поехала с ним кататься.

—Супруг мой, я больна, —сказала Кокуа. —У меня тяжело на сердце. Прости меня, но мне сейчас не до развлечений.

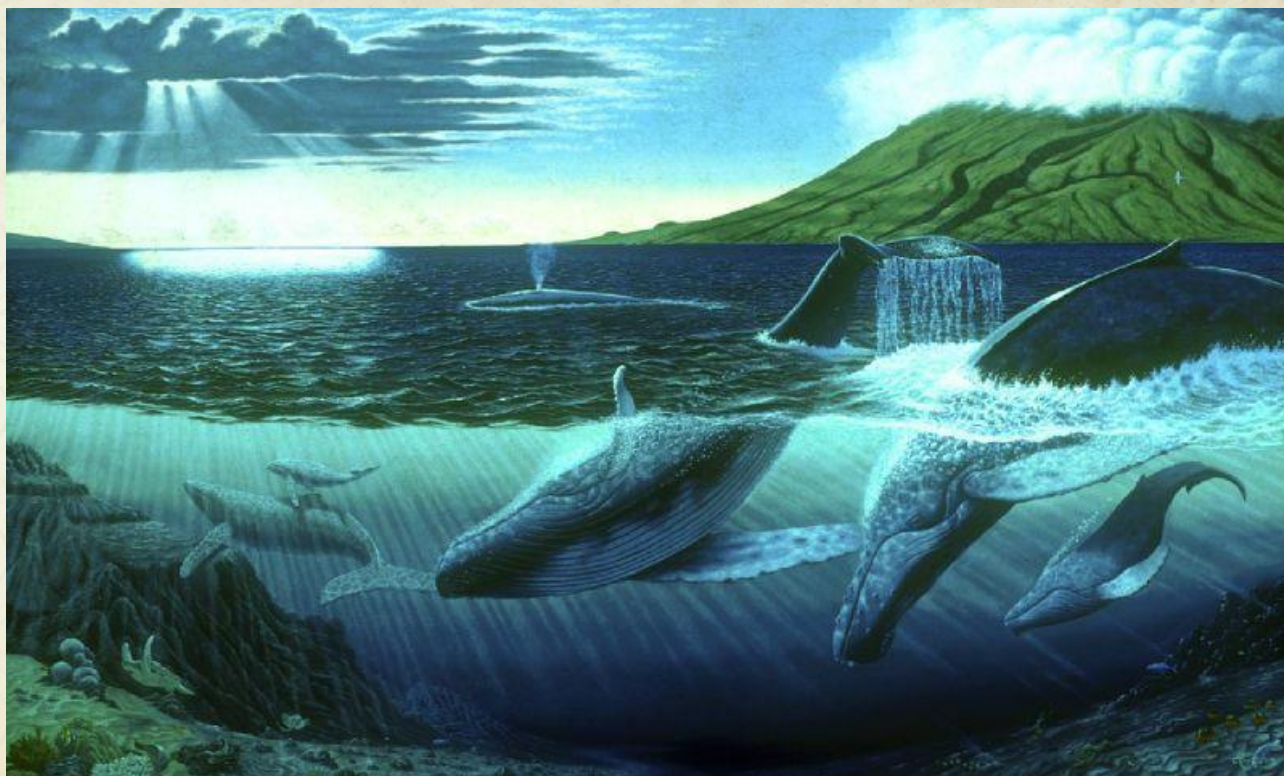
Тогда Кеаве рассердился еще больше; он гневался на нее, так как думал, что она грустит из за старика, и на себя, так как понимал, что правда на ее стороне, и стыдился своего счастья.

—Вот она, твоя преданность и твоя любовь! —воскликнул он. —Муж едва избежал вечной гибели, на которую не убоился пойти ради тебя, а тебе не до развлечений! Кокуа, у тебя вероломное сердце.

И в ярости он снова ушел из дому и целый день бродил по улицам. Он встретил друзей и пил с ними. Они наняли экипаж, поехали за город и там снова пили. И всё время Кеаве было не по себе, потому что он развлекался в то время, как жена его грустила, и потому что в глубине души он сознавал ее правоту, и сознание это заставляло его пить еще больше.

С ним бражничал один хаоле –старый негодяй, в прошлом боцман на китобойном судне, дезертир, золотоискатель, каторжник. У него было подлое сердце и грязный язык, он любил пить и спаивать других, и он подливал Кеаве еще и еще. Скоро ни у кого не осталось больше денег.

–Эй ты, –обратился тогда боцман к Кеаве, –ты всегда хвастал своим богатством. У тебя есть какая то дурацкая бутылка или еще что то в этом роде.

–Да, –ответил Кеаве, –я богат. Я пойду домой и возьму денег у жены, она держит их у себя.

–Глупо, приятель, –заметил боцман. –Никогда не доверяй деньги бабе. Женщины изменчивы, как вода. За ними надо смотреть в оба!

Кеаве был одурманен вином, и слова боцмана вселили в него сомнения.

«Я, пожалуй, не удивился бы, если б она мне изменила, –подумал Кеаве. –Почему бы иначе ей так загрустить, когда я спасся от злой участи? Но я покажу ей, что я не из тех, кого можно водить за нос! Я поймаю ее на месте преступления!»

И вот, когда они вернулись в город, Кеаве попросил боцмана подождать на углу возле старой тюрьмы, а сам пошел к своему дому. Уже настала ночь, в одном из окон горел свет, но не было слышно ни звука. Кеаве, крадучись, обошел дом, бесшумно открыл заднюю дверь и заглянул внутрь.

На полу сидела Кокуа, а перед ней в свете лампы мерцала молочно белая пузатая бутылка с длинным горлышком; глядя на нее, Кокуа ломала в отчаянии руки.

Долго стоял Кеаве у порога. Сперва от удивления он потерял всякую способность рассуждать здраво, а потом его охватил страх, что сделка почему то не вышла и бутылка вернулась к нему, как это было в Сан Франциско, и у него подкосились ноги, и винные пары развеялись, как утренний туман над рекой. Но затем ему пришла на ум другая мысль, страшная мысль, от которой у него запылали щеки.

«Я должен в этом убедиться», – подумал он.

Он закрыл дверь и снова тихонько обогнул дом, а потом, громко топая, направился к парадному входу, будто бы только что вернулся. И – подумать только! – когда он вошел в комнату, бутылки уже не было на прежнем месте, а Кокуа сидела в кресле и, увидев его, вскочила, словно он разбудил ее.

– Я весь день пиливеселился, – сказал Кеаве. – Я провел время с добрыми друзьями и сейчас пришел только за тем, чтобы взять денег и снова бражничать с ними!

И речь его и лицо были суровы, как приговор, но Кокуа в своем глубоком горе этого не заметила.

– Ты правильно делаешь, пользуясь тем, что тебе принадлежит, супруг мой! – сказала Кокуа, и голос ее дрожал.

– О, я всегда и во всем поступаю правильно, – ответил Кеаве и, подойдя к сундуку, взял оттуда деньги. Но при Этом он посмотрел в уголок, где они обычно держали бутылку, и бутылки там не увидел.

И тут сундук заколыхался, как морская волна, и комната завертелась, как кольцо дыма, ибо Кеаве понял, что теперь он погиб, что выхода больше нет. «Случилось то, чего я боялся, – подумал Кеаве. – Она сама купила бутылку».

Немного придя в себя, он выпрямился; но пот струился у него по лицу, частый, как дождь, и холодный, как колодезная вода.

– Кокуа, – сказал он, – я говорил сегодня с тобой так, как говорить не подобает. Сейчас я снова пойду пировать с веселыми друзьями, – тут он тихо рассмеялся, – и вино покажется мне слаще, если ты простишь меня.

Она охватила его колени, она целовала его колени, и слезы катились у нее из глаз.

– Ах, – воскликнула она, – мне ничего не надо, кроме доброго слова!

– Никогда не будем больше думать друг о друге дурно, – сказал Кеаве и вышел из дома.

Так вот, Кеаве взял из сундука только несколько сантимов – из тех, которыми они запаслись, когда приехали на Таити. Он, разумеется, и не собирался возвращаться к своим приятелям. Его жена отдала за него свою душу, теперь он должен выкупить ее ценой своей души, – больше он ни о чем не думал.

На углу возле старой тюрьмы его всё еще ждал боцман.

–Бутылка у жены, –сказал Кеаве, –и, если ты не поможешь мне ее взять, не будет сегодня ни денег, ни вина.

–Неужто ты всерьез говоришь об этой бутылке?! –вскричал боцман.

–Здесь под фонарем светло, –сказал Кеаве, –взгляни, разве похоже, что я шучу?

–Да нет, –согласился боцман, –ты мрачен, как привидение.

–Так слушай же, –сказал Кеаве. –Вот два сантима: пойди к моей жене и предложи их ей за бутылку; она тут же отдаст ее тебе, можешь не сомневаться! Принеси бутылку сюда, и я куплю ее у тебя за один сантим, ибо продать бутылку можно только себе в убыток. Но ни словом не обмолвись ей о том, что послал тебя я!

–А ты не собираешься сыграть со мной шутку, приятель? –спросил боцман.

–Хотя бы и так, тебе это ничем не грозит, –возразил Кеаве.

–И то верно, приятель, –сказал боцман.

–А если ты сомневаешься, –добавил Кеаве, –можешь убедиться сам. Как только выйдешь на улицу, пожелай пинту лучшего рома или чтобы у тебя был полный карман денег, словом всё, что душе угодно, и тогда увидишь, чего стоит эта бутылка.

–Хорошо, канака. Я попробую, но, если ты надо мной потешаешься, я тоже потешусь над тобой –палкой!

И вот боцман отправился по улице к дому Кеаве, а тот стоял и ждал. Он стоял почти на том же месте, где в предыдущую ночь Кокуа ждала старика, но Кеаве был более тверд. Он ни на миг не поколебался в своем решении, и только сердце его сжималось от отчаяния.

Кеаве казалось, что он ждет уже целую вечность. Наконец он услышал чье то пение в темноте –то пел боцман, но удивительно: у него был совсем пьяный голос.

Вскоре и сам боцман возник в круге света от фонаря. Он пошатывался и спотыкался. Волшебная бутылка была спрятана во внутреннем кармане, в руке он держал обыкновенную бутылку и, подходя к Кеаве, поднес ее ко рту и отпил несколько глотков.

–Ты достал ее, я вижу, –сказал Кеаве.

–Ну, ну, подальше! –крикнул боцман, отскакивая от него. –Только подойди, и я расквашу тебе морду! Ишь, чего захотел, чужими руками жар загребать!

–Чужими руками жар загребать? –удивился Кеаве. –Я тебя не пойму.

–А тут и понимать нечего! –заорал боцман. –Она мне по вкусу, эта бутылка, вот что. Как это она мне досталась за два сантима, я и сам диву даюсь; но уж, будь уверен, ты не получишь ее за сантим!

–Ты... ты не хочешь продать ее? –еле вымолвил Кеаве.

–Нет, любезный! –прорычал боцман. –Но, если желаешь, я дам тебе глоток рома!

–Послушай, тот, у кого останется бутылка, отправится прямиком в ад.

–Ну, мне и так другого пути нет, –ответил боцман, –а лучшей компании, чем Эта милашка, мне не найти. Нет, приятель, –снова закричал он, –бутылка теперь моя, а ты пойди поищи другую!

–Неужто это правда? –воскликнул Кеаве. –Прошу, ради тебя самого прошу, продай мне ее обратно.

–Плевал я на всё это, –ответил боцман. –Ты думал, я простофиля, да не на такого напал, и хватит разговоров. Не хочешь выпить, так я сам пропущу глоточек. За твое здоровье! Прощай!

И он ушел в сторону города, а с ним и бутылка уходит из этой истории.

А Кеаве помчался к Кокуа, легкий как ветер, и велика была их радость в ту ночь, и блажен покой, в котором они с тех пор проводили дни свои в Сверкающем Доме.

¹ В средневековых легендах –владыка христианского царства в глубине Азии.

² Белые.

³ Туземцы тихоокеанских островов, преимущественно Гавайских.

Иллюстрации: гавайский художник Andrew Annenberg (Андрю Анненберг)